

Чан Хаоцин презрительно фыркнул:

— Да уж, режиссёр Цзинь у нас чересчур концептуальный творец.

У всех великих режиссёров полно причуд, и Цзинь Хунъянь в этом плане превзошёл многих. Например, его ярая нелюбовь к дублёрам. Вообще-то, мало кто из постановщиков любит заменять актёров каскадёрами, но ведь без них порой просто не обойтись. Без должной подготовки артист вряд ли выполнит сложный трюк лучше профессионала, да и риск покалечиться велик — а любая травма парализует работу всей съёмочной группы.

Или взять тот же сценарий: съёмки ещё не начались, а текст переписали уже дважды. Днём Чан Хаоцин мельком видел местных сценаристов — те бродили по площадке бледными призраками. Сразу видно, как нещадно их истязали.

Всё из-за слишком туманного, возвышенного видения режиссёра. Простым смертным вообще редко удавалось уследить за полётом мысли этого признанного мэтра.

Чан Хаоцин припомнил, как режиссёр Цзинь описывал требования к кандидату на роль Чу Бая. По его словам, это должен быть юноша, «взращённый среди нефрита и золота, но таящий в себе изысканный разум».

Помощники режиссёра долго ломали над этим голову и в итоге сошлись на том, что нужен актёр с благородной, аристократической внешностью и явной печатью интеллекта на лице. С учётом возрастных рамок набрался приличный список кандидатов. На пробы начали звать всех подряд: от популярных молодых звёзд до студентов театральных вузов.

Роль-то эпизодическая, от силы несколько минут на экране. Выставить правильный свет, наложить грим, подправить картинку на монтаже — любой симпатичный парень подошёл бы идеально.

Но режиссёр Цзинь браковал всех без разбору. Однажды он зашёл слишком далеко: прямо во время проб на глазах у агента закатил глаза с таким пренебрежением, что юный актёр разрыдался прямо в студии.

Чан Хаоцин, ставший невольным свидетелем этой сцены, тогда лишь мысленно покачал головой. Счастье этого упрямого старика, что его авторитет в индустрии непререкаем, а каждый фильм становится хитом и собирает кассу. Будь у него меньше влияния, инвесторы за подобные капризы давно бы его сожрали.

Жун Цзинь промолчал, продолжая изучать свежие страницы. Пробежав текст глазами, он понял: режиссёр не сдаётся. Вырезать Чу Бая из сюжета Цзинь Хунъянь по-прежнему отказывался, хотя в новой редакции сцены с его участием сократили до минимума, оставив лишь самую суть.

— Скорее всего, придётся искать актёра прямо во время съёмок, — заметил Жун Цзинь.

Чан Хаоцин лишь промолчал.

И предсказание Жун Цзиня сбылось с поразительной точностью: съёмочный процесс запустили, а исполнителя роли Чу Бая продолжили искать на ходу.

Поскольку режиссёр наотрез отказался убирать персонажа из сценария, все сцены с участием Чу Бая отложили на неопределённый срок. Работа на площадке кипела уже почти два месяца, но продвинуться дальше не получалось. Из-за вечных неудач с кастингом Цзинь Хунъань пребывал в ярости. Стоило ему завестись, как над всей съёмочной группой сгустились тучи.

Нападки на актёров стали обычным делом. Режиссёр ни с кем не церемонился: хватал рупор и прямо у режиссёрского пульта орал на всю площадку:

— Вы играть вообще собираетесь или как?! Если не умеете — катитесь, я найду другого!

Не миновала чаша сия и Жун Цзиня, вот только крик в его адрес звучал совсем иначе.

— Жун Цзинь! — неистовствовал режиссёр. — Ты хоть когда-нибудь дашь партнёрам вздохнуть спокойно?! Обязательно так подавлять их своей игрой?! Посмотри на этот кадр, разве это можно пускать на экран?! Ты их просто стираешь в порошок!

Жун Цзинь спокойно подошёл к монитору, посмотрел дубль и невозмутимо ответил:

— Простите, ничего не могу с собой поделать. Слишком талантлив.

От такой наглости режиссёр едва не лишился дара речи.

— Ещё дубль? — уточнил Жун Цзинь.

Цзинь Хунъань сверлил его взглядом. На языке крутилась лавина колкостей, но он прекрасно знал, что Жун Цзинь за словом в карман не полезет и срежет его одной фразой. От этого бессилия режиссёра раздувало ещё сильнее, а его заросшее щетиной лицо побагровело.

Жун Цзинь не отступал:

— Ну так что?

— Всё, сворачиваемся! — процедил сквозь зубы режиссёр, признавая поражение. — На сегодня закончили. Продолжим завтра.

— Отлично, я пошёл, — бросил Жун Цзинь и скрылся в темноте.

Цзинь Хунъань лишь молча проводил его свирепым взглядом.

Чан Хаоцин потащился следом за актёром. Едва они перешагнули порог жилой палатки, агент принялся причитать:

— Слушай, поаккуратнее с ним. Доведёшь старика до инфаркта! Если он испустит дух от злости, кто кино доснимать будет?

— На площадке полно помощников, кто-нибудь да справится, — спокойно отозвался Жун Цзинь, открывая ноутбук.

Чан Хаоцин обречённо вздохнул.

Агент понял, что переживать за режиссёра не имеет смысла — если кто здесь и рискует умереть от инсульта, так это он сам. Пока Чан Хаоцин пытался унять дрожь в руках, на экране ноутбука Жун Цзиня уже загрузилась игра.

— Ты новые реплики вызубрил, геймер несчастный?! — не выдержал агент.

Действительно, съёмочный процесс шёл полным ходом, а Цзинь Хунъань продолжал изводить бедных сценаристов, переписывая сцены прямо на коленке. Сам он творил с размахом и удовольствием, а вот актёры и съёмочная группа едва держались на ногах от такой импровизации.

Не отрываясь от клавиатуры, Жун Цзинь лениво предложил:

— Хочешь, прямо сейчас зачитаю по памяти?

Чан Хаоцин решил, что ему лучше уйти, пока зависть не сожрала его окончательно. Жизнь порой казалась чертовски несправедливой: ну почему природа наделяет некоторых столь феноменальной памятью, пока другие вынуждены зубрить несчастный абзац часами?

Впрочем, Жун Цзинь, несмотря на весь свой гениальный ум, в повседневных привычках мало отличался от обычных людей. К примеру, за ужином он обожал залипать в развлекательные видео — под них еда казалась вкуснее.

Устроившись рядом с тарелкой лапши, Чан Хаоцин уставился в экран:

— Ну и что у нас на сегодня?

Жун Цзинь лениво пролистал рекомендации на главной странице и ткнул в одну из ссылок:

— Трансляция Музыкального фестиваля.

Пока они мирно ужинали в палатке, за кулисами Музыкального фестиваля воздух буквально искрил от напряжения.

— Главное — не волнуйся, — успокаивал подопечного Ли Юань. — Всё пройдёт точно так же, как на репетициях. Бояться совершенно нечего.

— Расслабься! — поддакнул Чэнь Мэнъян. — Фэйжань, у тебя потрясающий голос! Всё будет отлично!

Чжоу Я, не отличавшаяся красноречием, ограничилась коротким:

— Удачи.

Чи Фэйжань не удержался от улыбки. Глядя на их бледные лица, он сам принялся подбадривать команду:

— Да не переживайте вы так, я правда спокоен!

Конечно, лёгкий мандраж присутствовал, но на фоне всеобщей паники коллег собственное волнение Фэйжана казалось совсем пустяковым.

С самого детства он участвовал в различных конкурсах и вполне уверенно держался перед публикой. К тому же позади остались несколько прогонов на этой сцене, так что юноша не сомневался: его дебют пройдёт гладко.

Стрелки часов словно сошли с ума: время то несло вскачь, то застывало на месте. Наконец ведущий объявил его имя. Прожекторы погасли, погрузив зал в полумрак. Фэйжань, как учили на репетициях, бесшумно прошёл к роялю и опустил на банкетку.

Коснувшись прохладных клавиш, он сделал глубокий вдох, настраиваясь на первые аккорды.

На экране ноутбука Жун Цзиня высветилось название композиции и имя исполнителя: «Тайная любовь», поёт Чи Фэйжань.

Сквозь туманную дымку на сцене проступили контуры рояля и изящный силуэт юноши. Тонкий, безупречно красивый абрис мгновенно приковал к себе взгляд актёра.

Сценический свет мягко очертил невероятно нежные, почти ангельские черты лица. Опустив пушистые ресницы, которые подрагивали, точно крылья бабочки, юноша коснулся клавиш тонкими бледными пальцами. Под сводами зала поплыла чарующая мелодия.

Из динамиков полился тихий, завораживающий голос:

— Твой цвет подобен бесконечному лету...

Юноша пел мягко, словно шептал признание на ухо любимому человеку. В этой песне переплелись светлая грусть и трепетная нежность.

Чан Хаоцин застыл с открытым ртом, заворожённый зрелищем и звуками голоса.

— Мать твоя... — выдохнул он потрясённо.

Жун Цзинь резко поднялся, захлопнул крышку ноутбука и рванул к выходу.

— Эй! Ты куда?! — перепугался агент.

Но Жун Цзинь даже не обернулся. Его длинные ноги преодолевали метры за мгновение — секунда, и он уже растворился во тьме лагеря. Чан Хаоцин, чертыхаясь, бросился вдогонку.

Сжимая в руках ноутбук, Жун Цзинь ворвался в палатку режиссёра. Цзинь Хунъань, судя по всему, как раз устраивал очередной разнос авторам. Время ужина давно прошло, а он, голодный и злой, точно надсмотрщик на каторге, стоял над душой несчастных сценаристов, заставляя их переписывать сцены.

Увидев Жун Цзиня с ноутбуком под мышкой, режиссёр недоумённо изогнул бровь:

— Ты чего припёрся? Решил составить мне компанию в онлайн-игре?

Жун Цзинь с глухим стуком опустил ноутбук на заваленный бумагами стол, развернул экран к режиссёру и ткнул пальцем в лицо поющего юноши:

— Чу Бай.

При упоминании этого имени Цзинь Хунъань мгновенно позабыл обо всём на свете. Он лихорадочно потянулся к клавиатуре и запустил воспроизведение. Измученные сценаристы тут же облепили стол, заглядывая через плечо шефа. На экране невероятно красивый мальчик перебирал клавиши рояля и выводил нежную мелодию.

Голос лился так проникновенно, что у присутствующих перехватило дыхание, а на глаза навернулись слёзы. Режиссёр застыл, не мигая, пока песня не подошла к концу. Но этого ему показалось мало: он грубо перетащил бегунок плеера на начало и запустил клип заново.

Прокрутив выступление ещё трижды, Цзинь Хунъань наконец шумно выдохнул и выпрямился:

— Тащите его на пробы! Срочно!

На губах Жун Цзиня заиграла едва заметная торжествующая улыбка. Он молча забрал свой ноутбук и исчез так же стремительно, как и появился.

Сценаристы проводили его мечтательными вздохами, а вот режиссёр снова взвился:

— А ну стоять! Куда потащил?! Оставь ноут, как я смотреть буду?!

— Сам в сети найди! — донёсся с улицы весёлый голос актёра.

Цзинь Хунъань выругался и едва не зашвырнул вдогонку кружку с остывшим чаем. К счастью, один из помощников вовремя сориентировался и уже открыл нужную запись на своём планшете.

Бедные литераторы безмолвно молили небо лишь об одном:

«Пожалуйста, пусть этот мальчик согласится на роль! Пусть он окажется тем самым Чу Баем! Сил наших больше нет переписывать эти сцены, мы же просто загнёмся от истощения!!!»

И вот, в самый разгар подготовки к выпуску дебютного мини-альбома Чи Фэйжаня, Ли Юаню поступил звонок от продюсеров кинокартины «Рыцарские кости». Положив трубку, менеджер долго тупо смотрел на экран смартфона, серьёз подозревая, что его разыграли телефонные мошенники. Ну согласитесь, разве такое бывает? Вчера вечером парень впервые спел на сцене перед широкой публикой, а уже сегодня утром его приглашает к себе великий Цзинь Хунъань? Это вообще укладывается в рамки здравого смысла?!

Заподозрив, что тут замешаны связи их всемогущего председателя, Ли Юань осторожно навёл справки через личного секретаря Чи Цзюня. Однако ответ пришёл однозначный: руководство компании пальцем о палец не ударило.

Сам Чи Фэйжань, услышав новость, изумился не меньше:

— Я? Сниматься в кино?

Ли Юань закивал. На душе у него было неописуемо радостно. Вот уж действительно: если человеку суждено поймать удачу за хвост, никакие преграды не помешают. Показать себя на заурядном музыкальном шоу и тут же привлечь внимание легендарного кинорежиссёра — да этот парень просто рождён для славы!

Сам Фэйжань никогда не занимался в школьных театральных кружках. Весь его скромный актёрский опыт ограничивался детскими утренниками в детском саду, где он когда-то играл лесного зверька.

— Но я ведь совершенно не умею... — попытался вежливо отказаться юноша.

Однако Ли Юань перебил его с невероятным энтузиазмом:

— Будешь играть! Фэйжань, от таких предложений не отказываются! Мы обязательно едем на пробы!

<http://bllate.org/book/18265/1752114>